

жетов коломенской иконы позволяет предположить наличие близких связей раннемосковской культуры с домонгольской также и в области живописи.

* *
*

Следующая по времени группа икон, изображающих историю Бориса и Глеба, относится к XVI в. Наиболее ранней из них является икона Гос. Третьяковской галереи первой четверти XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии». ⁵⁷ Несмотря на наличие фигуры Владимира в среднике, изображения на полях посвящены лишь житию Бориса и Глеба. Первые десять сцен излагают историю гибели Бориса и Глеба. Здесь изображены: 1) отправление Бориса в поход против печенегов; 2) смерть Владимира; 3) раздача Святополком даров «кыянам»; 4) молитва Бориса в шатре; 5) получение Борисом раны в шатре; 6) убийство Бориса в дороге; 7) приход вестника к Глебу; 8) под Глебом «потчеся конь»; 9) убийство Глеба; 10) погребение Глеба «межу двема колодама». Две крайние сцены на нижнем поле посвящены истории наказания Святополка. Здесь изображены битва Ярослава со Святополком и гибель Святополка, проваливающегося в пропасть.

Порядок расположения этих сцен отвечает как рассказу летописной статьи, так и изложению «Сказания». Некоторые композиции свидетельствуют о несомненном использовании в иконе «Сказания». Так, при изображении молитвы Бориса в шатре представлены и отрок Георгий, и «прозвутер», и приблизившиеся к шатру убийцы. ⁵⁸

Однако, показывая убийство Бориса в колеснице одним варягом, художник явно следует версии летописного рассказа: узнав, что Борис «еще дышет», Святополк «посла два варяга прикончат его. Онема же пришедшема и видевшема яко и еще жив есть, един ею извлек мечь, пронзе и к сердцю». ⁵⁹ «Сказание» же говорит о двух убийцах: «Святоплък посла два варяга, и прободоста и мечьмь в срьдьце». ⁶⁰

Три клейма иконы посвящены изображению «чудес» Бориса и Глеба. В них князья представлены как могущественные целители, защитники от болезней. Одно из этих клейм, на нижнем поле, иллюстрирует одновременно несколько эпизодов «Сказания» или «Чтения», показывая исцеление больных у гробов Бориса и Глеба. Другое, на правом поле, изображает явление Бориса и Глеба больному старцу-«мниху» Мартину, бывшему когда-то поваром туровских епископов, в монастыре Бориса и Глеба на Оболони. Рассказ об этом чуде сохранился в составе Пролога 1406 г., ⁶¹ а позднее вошел в Четвь-Минеи Макария под 2 мая вместе с «Чтением» Нестора. «Иаким», упомянутый в рассказе, был туровским епископом в середине XII в. ⁶²

Среднее клеймо нижнего поля изображает, как «Мстислава черниговского принесоша ко гробу святых Бориса и Глеба и прием исцеление от них». Летописи сообщают о чудесном исцелении новгородского (а не черниговского) князя Мстислава в церкви Бориса и Глеба на Смядыни под

⁵⁷ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. [Б. м.], 1937, стр. 265—267, рис. 188. Н. Е. Мневa. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 565, 570—572.

⁵⁸ Д. И. Абрамович, стр. 33—34.

⁵⁹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 91.

⁶⁰ Д. И. Абрамович, стр. 37.

⁶¹ Там же, стр. 199.

⁶² П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей российских церкви. СПб., 1877, стр. 1046.